

АХ, ОДЕССА

Елена ГАЛИНСКАЯ "Homage to Odessa"	295
Михаил ПОЙЗNER Стучите. Заглядывайте... ..	302
Мариам ЮЗЕФОВСКАЯ Арбуз с хлебом	313
Владимир ТРУХНИН, Ирина ПОЛТОРАК "Городок" - пятый угол	320
Феликс КОХРИХТ Боги, гробницы, ученые... ..	323

Елена ГАЛИНСКАЯ

"Homage to Odessa"

Так называется альбом, недавно выпущенный в Тель-Авиве, название которого — "Дань уважения Одессе", — безусловно, бальзамом прольется на сердце каждого одессита. Эта большого формата оригинально и со вкусом оформленная книга издана вслед за выставкой с одноименным названием, которая экспонировалась в Израиле, в Музее Диаспоры.

Выставка имела трехступенчатую концепцию и состояла из трех автономных выставок: первая — "Одесса моей юности" — картины художника Е. Ладыженского; вторая — "Одесский круг еврейских писателей. 1881-1921 гг."; третья — "Возвращение в Одессу" — серия фотографий Деби Купер и, таким образом, охватывала столетний период развития одесской еврейской общины от расцвета в нач. XX века и до возрождения на рубеже XXI века. Альбом представляет эти выставки и издан параллельно на 2-х языках, иврите и английском. Кроме вступительной статьи куратора выставки и собственно каталога, книга снабжена двумя замечательными эссе: профессора Стэвена Зипперштейна из Стэнфордского университета "Как это делалось в Одессе" и профессора Дана Мирона из Колумбийского университета "Мудрецы Одессы". Проф. Зипперштейн, будучи автором первой полной истории евреев Одессы в XIX веке, являлся главным консультантом и экспертом выставки. В альбоме много иллюстраций, — виды старой Одессы, живописные работы и фотографии, а также уникальные снимки одесских писателей, их книг, периодических изданий, которые выпускались в Одессе, когда она была центром еврейской литературы.

На переплете альбома цветная фотография начала XX века: трамвайная остановка на перекрестке улиц Тираспольской и Нежинской, где достаточнолюдно и оживленно — пролетка, велосипед, конка с открытым "одесским" вагоном, трамвай, идущий на Слободку, он пустой, потому что "идет на круг"... В центре — павильон трамвайной остановки с черпичной крышей и шпилем, когда-то таких было много в Одессе, их строили еще бельгийцы... Фасады домов, на одном из них различима вывеска "Одесский конфексион", а в голубом небе, за кронами деревьев видны золоченые купола Успенского собора...

***

Выставка об Одессе и ее уникальном вкладе в современный Еврейский Ренессанс задумывалась давно, в середине 90-х. К этому же времени, полагаю, относятся воспоминания Анны Мисюк из одесского Литературного музея (альманах № 10, стр. 293), где она пишет, что "музей уже начал беспокоить немногочисленные пока гости из Израиля по поводу почти полного отсутствия в экспозиции известной им (но не нам) одесской плеяды еврейских писателей". Прошло время. Гости из Израиля в Одессе давно уже "более чем...", а еврейские писатели уже известны сотрудникам Литературного музея и, очевидно, не им одним, ведь появились же мемориальные знаки на домах, где жили эти писатели... Беспокойство же израильских "гостей" увенчалось выставкой "Дань уважения Одессе", проходившей в одном из красивейших мест, на территории Тель-Авивского университета, в Музее Диаспоры.

***

В последние десятилетия XIX века Одесса была активно действующим и процветающим портовым городом с многонациональным населением. Для многих евреев она стала тихой пристанью, где существовали относительные свободы, религиозная терпимость и широкое поле деятельности для экономической инициативы. В начале XX в. еврейская община Одессы становится второй по величине еврейской общиной Российской империи, — 1 500 000 чел., что составляло треть населения города. Во всех местечках черты оседлости об Одессе говорили как о месте, где богатство само идет в руки и где хорошо живется, тогда-то и возникла идишская поговорка "Жить, как Бог в Одессе". В атмосфере либерализма, характеризующей Одессу, у многих евреев были сильны тенденции к культурной ассимиляции, они приветствовали идеи Хаскалы — еврейского просвещения. Свобода от пут религиозной традиции и открытость к восприятию новых идей способствовали быстрому превращению одесских евреев в новый тип евреев, желающих жить по-западному и поворачивающихся все больше и больше к русской культуре, что вызывало недовольство национальных ортодоксов, придумавших поговорку "На семь миль вокруг Одессы пылает адский огонь" и называвших Одессу "городом грешников".

296

С конца XIX в. Одесса стала центром сионистской активности и современной литературы на иврите. Круг блестящих интеллектуалов и писателей, собравшихся в Одессе, вел многостороннюю культурную деятельность. В этом сообществе особенно выделялись трое: писатель Менделе Мойхер-Сфорим, мыслитель и публицист Эхад Хаам — основатель "культурного сионизма" и поэт Хаим Нахман Бялик. Они оказали влияние на формирование "одесского литературного стиля" и составили ядро Одесского литературного круга, в который входили Равницкий, Бен-Цион, Бен-Ами, Левинский, Дубнов, Клаузнер, Черняховский, Фишман, Фруг, Шнеур. В Одессе жили и другие писатели, не входящие в этот "круг" — Шолом-Алейхем, Беркович, Черновиц, Жаботинский, Друянов, Штейман. В городе издавались еврейские периодические издания и действовала единственная в России еврейская типография. Однако со временем все более усиливалось отчуждение между одесскими евреями, стремящимися жить по-европейски, и еврейскими писателями, претендующими на роль духовных наставников. Натан Горен в "Одесских зарисовках" того времени писал: "Все та же Одесса — легкая и изящная, захватывающая и околдовывающая — как далека она от едкой сатиры Менделе, мрачного недовольства Эхад Хаама и от болезненно-божественного присутствия Бялика!". К 20-м годам значение Одесского литературного круга падает. Но еще раньше, в первом десятилетии XX века, Одесса теряет свое значение центра международной торговли и начинается общий закат еврейской общины... Это время блестяще описано в романе В. Жаботинского "Пятеро".

XX век был немилостив к евреям: в его катаклизмах и катастрофах еврейский мир был подвержен тотальному разрушению и фактически перестал существовать. Прошедшая выставка и только что вышедший в свет альбом "Homage to Odessa" напоминают об одной из ярких страниц еврейской истории.

***

"Одесса моей юности" — серия картин художника Ефима Ладыженского (1911-1982).

На полотнах одного формата (90x100) изображена Одесса, увиденная глазами мальчика и юноши, но через призму восприятия взрослого человека (одесский цикл Ладыженский начал писать в 1968 году, когда давно уже жил в Москве). Прошедшее время окрасило воспоминания о родном городе

297

смелыми и яркими красками, свойственными юности, но это же время наложило на картины, даже самые веселые и беспешабашные, ностальгическую грусть, свойственную зрелости. Картины, написанные в примитивистском стиле, воспринимаются как мизансцены из прошлого Одессы: крикливые рынки, шумные улицы, дворы, садики, нарядные кафе, а в них одесситы — последние могоканы — поденщики, торговцы, ремесленники, артисты, бандиты, любители искусства... "Цирюльник Кольмахтер", "Часовщик Коган", "Мой дядя Шалом", "Хупа в танцклассе Зингера", "Студия Бершадского", "Я Сема Алебастр, веселый куплетист", "Лотерея Аллегри в пассаже", "Налетчик, его невеста и шаферы", "Манька-рыбачка", "Кафе Печеского", "Городские меломаны"... — глядя на них, каждому одесситу есть что вспомнить!

На красочных полотнах Ладыженского Одесса удивительно светла и многоцветна, жизнь в ней бьет ключом, женщины нарядные, в белых платьях... Лишь небольшая часть картин об Одессе времен гражданской войны написана темными тонами.

На выставке экспонировалось более 50 картин, и почти каждая из них сопровождалась цитатами из литературных произведений или воспоминаний, получалось, что живописные полотна соперничали с не менее живописными текстами, и возникал образ незабвенной Одессы...

Вот картина "Школа Столярского": маленькие дети и их мамы чинно идут по городской улице, где трамвай и телега с бочками, а в руках у всех футляры со скрипками... Как не вспомнить тут рассказ Бабеля, в котором он описывает "...фабрику вундеркиндов, фабрику еврейских карликов в кружевных воротничках и лаковых туфельках, ...кому предстояло играть в Букингэмском дворце".

К картинам "Пошли дыни", "Бессарабское вино", "Утром будут торговать кавунами" уместен отрывок из рассказа "Мед Одессы" Элизера Штейнмана: "Одесса в теплые ясные осенние дни кажется земным раем... На каждом углу изобилие цветов, корзины с фруктами и прочими деликатесами... все это превращает Одессу в прекрасную драгоценность, полную утонченного вкуса и радующую глаз..."

Или, например, картина "На базарной площади" — здесь лотки и шумная толпа, в центре которой борец с медведем и шарманщик. "Шарманка в Одессе играет большую роль. На улице — шарманка, дома — шарманка, в трактирах — шарманка, в комедии — шарманка, и даже в синагоге — прости господи! — тоже шарманка! В Одессе вечно суета, шум, сутолока. Шарманка визжит, играет, поет, свистит..." — это уже одесский классик Менделе Мойхер-Сфорим.

Нет, хоть и велик искус, но не благодарное это дело — описывать картины. Поэтому отмечу лишь, что в них, собранных воедино, проступают черты и аромат любимого города, — "Это чарующий город, веселый город, преступный город... Здесь, вне всякого сомнения, уважают правду; но и вранье не считается за большой грех... Каждое незначительное заявление превращается в знаменательное событие, массы возбуждены, руки взмываются вверх, стены и кофейные столики содрогаются от волнующих криков. А вот поцелуи здесь дешевы, если не сказать больше — их раздают бесплатно..." — писал Владимир Жаботинский.

Полиграфически выделенные литературные иллюстрации удачно дополняют и украшают альбом "Homage to Odessa".

***

Цикл фотографий Деби Купер "Возвращение в Одессу" был сделан в начале XXI века. Д. Купер уроженка США, репатрировалась в Израиль в 1978 году. Ее фотографии часто появляются на страницах израильской и американской прессы, она участница выставок в Израиле, США, Франции. В сентябре 2000 года Деби была командирована в Одессу еврейской организацией Джойнт.

Фотографии Д. Купер рассказывают о сегодняшней Одессе и еврейской общине, в которой ныне не более 45 000 чел., и вряд ли они что-нибудь знают о славном прошлом своей общины и о той еврейской культуре, которая процветала в городе каких-нибудь сто лет назад. Серия ее фотографий воспринимается как единая музыкальная тема, талантливо импровизируемая автором. Пожалуй, это блюз. Да, блюз — жалоба, тоска по счастью... Язык фотографий Деби Купер прост и даже чрезмерно заземлен: дома, улицы, лица людей, фрагменты быта, — все это в цветах осени, в цветах запустения, — осенний одесский блюз...

***

P.S., или Лирическое отступление автора

Я больше не живу в Одессе, но Одесса живет во мне, у меня с ней генетическое родство, она вошла в состав моей души.

...Этой осенью я кружила по Одессе вместе с листьями, путая названия улиц, адреса, номера телефонов... Спуски, мосты, колоннады, лестни-

цы, чугунные ограды, — я листала свой город, как дни любви, вспоминая все до мельчайших жестов и интонаций.

В детстве для меня, живущей на Пересыпи, "город" ассоциировался, прежде всего, с Соборной площадью, куда я с папой отправлялась "кутнуть". Было так упоительно радостно ехать трамваем весь этот долгий путь туда, где столько соблазнов и развлечений, где лошадка-пони и коляска с кожаными сидениями, на которых так нелегко было удержаться, чтобы не соскользнуть в моем нарядном крепдешиновом платье, а венцом всему (о, счастье!) — мраморный столик кафе, где я смаковала сладкую воду с пузырьками — ситро! — и ела песочное пирожное!

Подруга назначила мне свидание на 16-й станции Большого Фонтана. Я медленно ехала трамваем по романтической дороге, где кружила прощальный бал осенняя листва, а прошлое и настоящее текли в одном измерении... Здесь, на 9-й станции, я ежегодно проводила свое пионерское лето. Невозможно забыть таинственные мистерии ночных костров; самые вкусные на свете твердые неспелые абрикосы, украденные из сада под стук выскакивающего из груди сердца; тревожные томления в темных аллеях под звуки пионерского горна, трубящего отбой — "Спать, спать по палатам...", — но воспринимаемого как трубный зов любви... И везде над всем — море! ...Я закрываю глаза и физически ощущаю ту ночь, когда прожекторы сторожевых судов выхватывают из тьмы нас, прижавшихся на каменном волнорезе...

...Я хожу по городу, "знакомому до слез", заглядывая в окна и дворы в поисках одесского "неореализма". Я втягиваю воздух, — знакомые запахи и звуки плывут в улицах и переулках...

Продукты я покупала в магазине с замечательным названием "Вечный зов", но, естественно, не могла отказать себе в удовольствии посетить Привоз. Роскошь снеди и пиршество красок складывались на прилавках в сочные фламандские натюрморты — на Привозе есть все! Он и есть основной инстинкт, вечный зов одесситов — вечный Привоз!

А как я ликовала, читая объявления с одесскими лингвистическими перлами и слушая, как по телевизору кто-то делится "своими описаниями про жизнь", а моя соседка комментирует: "Так же само было и вчера". Торжественной монументальностью звучат мамины самые обычные, кухонные, слова: "Протяни руку, подай мне соль" или "Мне чай без ничего!". А любимые мной "Я замерзла в ноги", "Я замерзла в руки" или "Я не имею времени" по-прежнему абсолютно нормативны в моем городе. Одесса, как Англия, традиционна, самодостаточна и полна скрытого высокомерия.

...Я ходила по одесским улицам, как зритель, как счастливый бездельник, как гость, приглашенный на фестиваль. С пушкинских времен в Одессе "ясны небеса" и "все Европой дышит, веет"... Как быстро здесь ухватили и развили стиль и привычки цивилизованного буржуазного города! Удобные и светлые магазины, современные витрины и очаровательные интерьеры многочисленных ресторанов, где карты меню, как толстые литературные журналы (от "шницеля южного" и "бифштекса с яйцом" не осталось и следа).

Забавно было видеть буквально на каждом углу, даже на трамвайных остановках, игровые автоматы и кафе "Караоке" — поиграл, попел и поехал дальше... А как много цветов, — целые бастионы! Изысканные цветочные магазины в ночи сверкают стеклянными гранями, как драгоценности; они, ей-богу, не уступают ни парижским, ни миланским. Что ж, если люди покупают цветы, играют и поют, значит, Одесса по-прежнему веселый, неунывающий город. Храни его Господь!

...Осенью в Одессе темнеет рано, ветер метет и метет листья, а я все разматываю и разматываю ленту воспоминаний...

Иерусалим

